

May 18 1912

СВѢТЪ ХРІТОВЪ ПРОСВѢЩАЕТЪ ВСѢХЪ.

Американскій Православный Вѣстникъ.

„Russian Orthodox American Messenger”

Подписная цѣна на годъ: 24 выпуска 3 дол. (6 рублей).

TERMS OF ANNUAL SUBSCRIPTION: 24 issues — \$3.00.

Отдѣльные номера по 15 ц. Issued semi-monthly, every 14-th and 28-th. Single copies at 15 cents
Rev. A. Hotovitzky, Publisher. 15 E. 97th St. N. Y. City

Entered at the Post Office as Second Class Mail Matter.

No. 9 Vol. XVI. NEW YORK, May 14, 1912, 1 Мая 1912 г No. 9.

For English Text see page 166.

ПРЕДЛОЖЕНІЕ

Его Высокопреосвященства, Высокопреосвященнѣйшаго Платона, Архіепископа Алеутскаго и Сѣверо-Американскаго.

ІХ-й Конвенціи

Русскаго Православнаго Общества Взаимопомощи.

Христось воскрес!

Нахожу необходимымъ обратиться къ ІХ-й Конвенціи Р. П. О. В. съ нижеслѣдующимъ предложеніемъ.

Теперь можно считать почти уже совершившимся фактомъ переводъ Семинаріи изъ Миннеаполиса въ Либк Гортъ. Съ будущаго Октября наша Семинарія начнетъ

свою новую жизнь здѣсь въ Нью Йоркѣ.

Говорить о томъ, насколько важно данное обстоятельство и какое оно будетъ имѣть значеніе для жизни православнаго русскаго народа въ Америкѣ не приходится. Оно безъ рѣчей и разъясненій совершенно ясно и совершенно понятно.

Наша Семинарія должна воспитывать и выпускать въ жизнь «добрыхъ пастырей»,

всегда каждую минуту своей жизни готовыхъ «душу свою полагать за овцы своя», всѣмъ сердцемъ своимъ и душою любящихъ свою Мать св. Православную Церковь нашу, беззавѣтно, до самоотверженія, до самопожертвованія преданныхъ идеѣ служенія народному благу, вѣрныхъ, стойкихъ и убѣжденныхъ борцовъ за правду св. Православія, искреннихъ и ревныхъ защитниковъ русской народности, сильныхъ ратоборцевъ въ борьбѣ съ невѣжествомъ, некультурностью, дурными склонностями и навыками, которые такъ легко можетъ пріобрѣтать нашъ народъ здѣсь, въ силу особыхъ условій и обстоятельствъ его здѣшней жизни, часто невыносимо тяжелой и безпросвѣтной, — просвѣщенныхъ и неустанныхъ носителей и проводниковъ въ жизнь народную тѣхъ благъ знанія и науки, безъ которыхъ народъ нашъ будетъ осужденъ на это всегдашнее почти рабское существованіе здѣсь.

Имѣя въ виду высоту предстоящей Семинаріи нашей задачи, мы нашли и пріобрѣли подѣ Семинарію около Нью Йорка (часть ѣзды) прекрасное, на горѣ, и нѣсколько уединенное помѣстье, въ 10¹/₄ акровъ, на одной части которыхъ растетъ роскошный фруктовый садъ, а на другой болѣе возвышенной стоитъ домъ, имѣющій быть семинарскимъ зданіемъ и для цѣли этой весьма подходящій и какъ бы нарочито для этого выстроенный. Къ дому ведетъ старая сосновая аллея, идя по которой и любуясь зданіемъ невольно скажешь:

«Слава Богу, и у насъ есть Семинарія!»

Но какъ же быть съ бывшимъ семинарскимъ зданіемъ въ Миннеаполисѣ? Обширное и весьма солидной постройки оно нѣкоторое время вполне соотвѣтствовало своему назначенію. И теперь м. б. использовано или на нужды приходскія, или на нужды общемиссійныя.

Я думалъ было сначала подарить его

Миннеаполисскому приходу и такимъ способомъ окончательно ликвидировать наше общее дѣло въ Миннеаполисѣ.

Но когда я былъ недавно тамъ и тщательно осмотрѣлъ это зданіе, когда я привелъ себя на память и исторію Миннеаполискаго прихода, этой колыбели Православія въ Америкѣ, я почувствовалъ нѣкоторую боль при мысли о томъ, что придется рвать уже старую традицію и безъ всякаго желанія и намѣренія нанести, быть можетъ, обиду первому православному приходу въ Америкѣ.

Миннеаполисѣ! Сколько связывается добрыхъ представленій и воспоминаній съ этимъ старымъ приходомъ! Миннеаполисцы ищутъ православія, Миннеаполисцы нашли его въ С. Франциско, Миннеаполисцы, возглавляемые доблестнымъ незабвенной памяти душпастыремъ Товтомъ, переходятъ сразу всѣ до одной души на Православіе.

Теперь, когда переходы такіе совершаются часто, когда по всей Америкѣ разбросаны православные приходы, когда число православныхъ русскихъ людей превышаетъ сотни тысячъ, этотъ переходъ Миннеаполиса не представляется намъ чѣмъ-либо особеннымъ, но и въ ту пору, когда онъ совершался, онъ былъ первымъ шагомъ, т. е. самымъ труднымъ дѣломъ.

И дѣло это дѣлали наши Миннеаполисцы, — открывъ и начавъ исторію Православія въ Америкѣ. Заслуга ихъ предѣ Американской Православной Русью ни съ чѣмъ несравнима и, по своей важности, превосходитъ все, что чѣмъ-либо и когда-либо было сдѣлано здѣсь въ пользу св. Православія.

Можно-ли, послѣ этого, рвать намъ съ Миннеаполисомъ? Я скажу, что по кр. мѣрѣ очень трудно сдѣлать это: слишкомъ большія и притомъ чисто моральныя связи у насъ съ Миннеаполисомъ.

Да и слѣдуетъ-ли дѣлать это? Выгодно-

ли это будетъ для нашего дѣла здѣсь?

Убѣжденно могу сказать теперь, что не слѣдуетъ, ибо такимъ способомъ мы причинимъ вредъ самимъ же себѣ, своему дѣ-

Большинству членовъ Конвенціи, полагаю, извѣстно мое намѣреніе строить Сиротскій Приютъ въ нашемъ Монастырѣ.

Дѣло это постепенно подготавливается.

лу. Наоборотъ, мы должны не рвать традиціи, а всемирно поддержать ее.

Чѣмъ-же и какъ мы можемъ поддержать ее? Я подошелъ къ тому, съ чѣмъ прежде всего хочу обратиться къ IX-й Конвенціи.

Сдѣлано было нѣсколько плановъ, которые были переданы на разсмотрѣніе и расцѣнку Скрантонскихъ и Карбондейльскихъ контракторовъ, — и я готовъ былъ уже остановиться на одномъ изъ плановъ и благословить начинать постройку.

Но тутъ произошло событіе, пріостановившее это дѣло. Ко мнѣ обращались и раньше лица, неспособныя къ труду и не могущія поэтому прокормить себя, съ просьбою принять ихъ въ монастырь — но въ послѣднее мое посѣщеніе монастыря два несчастныхъ русскихъ старика такъ убѣдительно и такъ неотступно просили меня о томъ, что я, отказывая имъ за немѣнѣемъ мѣста, и доселѣ не могу избавиться отъ мысли о судьбѣ ихъ. Невольно приходится задуматься и надъ участіемъ всѣхъ живущихъ въ Америкѣ подобныхъ имъ нашихъ братьевъ, число которыхъ очень велико. Мало-ли теперь, въ самомъ дѣлѣ, есть въ Америкѣ русскихъ — старыхъ, увѣчныхъ потерявшихъ трудоспособность, которые за великое бы счастье почли для себя получить возможность дожить дни своей жизни подъ сѣнью Св.-Тихоновской обители? И вспомнились мнѣ эти наши несчастные калѣки, эти ревматики, погубившіе свое здоровье въ сырыхъ и холодныхъ нѣдрахъ землѣ, эти полуслѣпые, потерявшіе зрѣніе на тяжелой работѣ, — вспомнились мнѣ эти наши братья, которыхъ часто приходится мнѣ встрѣчать во время поѣздокъ по приходамъ и для которыхъ **богадѣльня** при монастырѣ была бы спасительнымъ убѣжищемъ и тихимъ пристанищемъ, о которомъ сейчасъ они и не мечтаютъ, но которое мы можемъ имъ дать, если будетъ на то наше доброе желаніе. Не сомнѣваюсь въ томъ, что указывая членамъ конвенціи на обездоленныхъ, нуждающихся въ заботахъ о нихъ и попеченіи братьевъ нашихъ, я найду отзвукъ въ сердцахъ членовъ конвенціи. Сердцу русскаго человѣка свойственно и присуще чувство милосердія, чувство любви къ несчастнымъ, обиженнымъ судьбою братьямъ. Это безспорно и несомнѣнно.

Въ виду сего, я обращаюсь къ IX-й конвенціи Русск. Правосл. Об-ва Въ-щи съ

предложеніемъ обсудить и рѣшить

1) вопросъ о переносѣ дѣтскаго нынѣ существующаго въ Св.-Тихоновскомъ монастырѣ, пріюта въ Миннеаполисѣ.

Можно имѣть въ виду при этомъ, что если настоящей пріютъ вслѣдствіе тѣсноты помѣщенія не обслуживалъ и десятой доли имѣющейся нужды въ немъ, то въ Миннеаполисѣ пріютъ можетъ быть увеличенъ до сотни дѣтей.

Завѣдыванье пріютомъ, пріисканье средствъ, надзоръ за дѣтьми и воспитаніе ихъ будетъ поручено монахинямъ.

Нужны средства на перевозъ пріюта изъ монастыря въ Миннеаполисѣ и на ремонтъ и приспособленіе бывшаго семинарскаго зданія подъ пріютъ.

На конвенцію будетъ присланъ проэктъ этого ремонта и приспособленія, по которому стоимость предстоящихъ работъ исчислена до 6½ тысячъ долларовъ. Если бы IX конвенція нашла возможность оказать помощь этому дѣлу, ассигновавъ на него достаточную сумму, — это было бы то доброе дѣло, за которое вся Православная Американская Русь со мною вмѣстѣ принесла бы ей сердечнѣйшую благодарность.

Дающій на сиротъ и пекущійся о сиротахъ дѣлаетъ своимъ должникомъ Самого Господа, ибо выполняетъ слова Его: «взл-кахся бо, и дасте Ми ясти; возжадахся, и напоисте Мя; нагъ, и одѣясте Мя» (Мѣ. XXV, 35, 36).

Въ заключеніе о пріютѣ считаю нужнымъ сказать еще, что я думалъ и окончательно рѣшилъ было строить его въ монастырѣ, о чемъ писалъ я въ «Свѣтѣ», но такъ какъ пріютъ, устроенный въ Миннеаполисѣ на такихъ основаніяхъ, о которыхъ сейчасъ сказалъ я, будетъ имѣть въ религиозно-воспитательномъ отношеніи тотъ-же характеръ, такъ какъ, далѣе, въ Миннеаполисѣ уже имѣется зданіе, совершенно соотвѣтствующее цѣлямъ пріюта, и

такъ какъ въ монастырѣ на мѣстѣ пріюта будетъ открыто другое учрежденіе—богадѣльня, то я и предлагаю вниманію конвенціи этотъ вопросъ о пріютѣ и вмѣстѣ

2) вопросъ о богадѣльнѣ.

На перестройку и приспособленіе подъ богадѣльню зданія, въ которомъ находится теперь пріютъ, потребуется не болѣе двухъ тысячъ долларовъ.

Внимательное отношеніе конвенціи къ этому вопросу и рѣшеніе его въ благопріятномъ для нашихъ старыхъ людей и несчастныхъ калѣкъ смыслѣ навсегда создадутъ для этой конвенціи въ сердцахъ живущихъ здѣсь русскихъ людей благодарную память.

Конвенція на дѣлѣ покажетъ, что она состояла изъ лучшихъ русскихъ людей, для которыхъ близки интересы всѣхъ русскихъ людей вообще и въ особенности нуждающихся и обремененныхъ несчастно для нихъ сложившихся обстоятельствами.

Американская Православная Русь навсегда сохранить въ благодарной памяти, что богадѣльню при монастырѣ устроила IX конвенція Р. Пр. О. В.

Это дѣло—доброе, это дѣло—полезное и необходимое.

Отрицать важность его для русскаго народа можетъ только тотъ, кто способенъ отрицательно относиться рѣшительно ко всему и кто можетъ грязнить все, даже самое чистое и святое.

Я увѣренъ, впрочемъ, что всѣ русскіе люди, какъ одна душа, сочувственно относятся къ этому моему предложенію и у насъ, Богъ дастъ, будетъ богадѣльня. Такія хорошо оборудованныя и хорошо выполняющія свое назначеніе учрежденія, какъ Эмигрантскій Домъ, Семинарія, Пріютъ и Богадѣльня, вмѣстѣ съ нашимъ Монастыремъ, будутъ, между прочимъ, рекомендовать здѣшней странѣ съ самой лучшей стороны нашъ русскій православный народъ, будутъ самымъ яснымъ пока-

зателемъ нашего сознательнаго отношенія къ матеріальнымъ интересамъ живущихъ здѣсь русскихъ людей, къ ихъ духовнымъ нуждамъ и интересамъ, къ сиротамъ и старымъ и больнымъ людямъ.

Монастырь, Эмигрантскій Домъ и Семинарія уже имѣются у насъ, будутъ у насъ и Пріютъ и Богадѣльня, если IX конвенція будетъ вѣрною истолковательницею народныхъ чувствъ, народныхъ желаній, народныхъ интересовъ, нуждъ и потребностей и окажетъ мнѣ въ этомъ дѣлѣ посильную помощь. Необходимость и важность указанныхъ учрежденій для нашей жизни здѣсь, несомнѣнно, ясно сознаются всѣми русскими, живущими въ Америкѣ. Но членамъ конвенціи извѣстно, что этими учрежденіями не исчерпывается количество учрежденій, признаваемыхъ необходимыми здѣсь, — членамъ конвенціи извѣстно, конечно то, что существуетъ намѣреніе устроить въ Нью Йоркѣ Русскій Народный Домъ, цѣль котораго исключительно патріотическая, національно--просвѣтительная.

Инициаторамъ этого дѣла хотѣлось бы, б. м., создать въ Нью Йоркѣ русскій уголокъ, гдѣ русскіе люди чувствовали бы себя, какъ дома, куда бы они могли собираться для полезнаго и пріятнаго проведенія времени, гдѣ бы они могли свободно обсуждать свои дѣла, разузнавать свои вопросы, объединяться на почвѣ своихъ интересовъ.

Цѣль, явно, весьма почтенная, достойная одобренія и полнаго къ себѣ вниманія.

Однако, прошло уже три года со времени торжественнаго объявленія объ имѣющемъ быть «на-дняхъ» открытіи этого Дома въ Нью Йоркѣ, а открытія этого нѣтъ, да, судя по всему, никогда и не было бы, если бы дѣло это велось и дальше такъ, какъ велось оно доселѣ.

Въ помѣщаемомъ ниже прошеніи ко

мнѣ предсѣдателя Общества «Русскій Народный Домъ въ Нью Йоркѣ» указаны причины такого печальнаго положенія этого дѣла.

**Его Высокопреосвященству,
Высокопреосвященнѣйшему ПЛАТОНУ,
Архіепископу Алеутскому и
Сѣверо-Американскому.**

ПРОШЕНИЕ

Русскаго Национальнаго Общества
«Русскій Народный Домъ въ
Нью Йоркѣ».

**Ваше Высокопреосвященство,
Дорогой Отецъ и Архипастырѣ!**

Три года тому назадъ въ центрѣ Нью Йорка русскіе люди основали национальное общество подъ названіемъ «Русскій Народный Домъ». Цѣль этого общества была пріобрѣсти въ г. Нью Йоркѣ помѣщеніе, въ которомъ возможно бы было устраивать разныя собранія, балы, театральныя представленія, гимнастическія упражненія и пр. Необходимая сумма предполагалась быть собранною продажою акцій на 50,000 долларовъ.

Цѣль, Ваше Высокопреосвященство, какъ Вы видите, хорошая и патріотическая, но благодаря нѣкоторымъ лицамъ, первоначально попавшимъ въ среду Общества и имъ управлявшимъ, благородная цѣль была замѣнена эгоистическимъ своекорыстіемъ и вмѣсто блага народнаго тѣ первоначальные проводыри стремились достигъ своихъ собственныхъ выгодъ. Главная цѣль у нихъ сводилась къ тому, что-бъ подрывать довѣріе къ части русскаго интеллигентнаго общества въ Америкѣ — духовенства и убивать преданность народа своимъ Архипастырямъ, а также расточеніе общественной кассы...

Теперь же, Ваше Высокопреосвященство, члены Народнаго Дома, наученные горькимъ опытомъ прошлаго, рѣшили на одномъ изъ послѣднихъ засѣданій сыновне обратиться черезъ выбранныхъ своихъ депутатовъ къ Вамъ, Владыко, и смиреннѣйше просить придти намъ на помощь своими мудрыми совѣтами и наставленіями въ дѣлѣ организациі роднаго народа и основаніи въ г. Нью Йоркѣ дома для общественныхъ собраній и дать благословеніе подвластному Вамъ духовенству, если-бъ кто захотѣлъ изъ нихъ, принять дѣятельное участіе въ дѣлахъ нашего Общества.

Вашего Высокопреосвященства
смиреннѣйшій послушникъ,
Гавріиль Добровъ,
предсѣдатель Об-ва.

Данное прошеніе въ комментаріяхъ не нуждается, но я бы хотѣлъ всетаки сказать, что печальное состояніе этого дѣла ясно всѣмъ показываетъ и неопровержимо доказываетъ то, насколько тенденціозны и несправедливы нападки на духовенство тѣхъ господъ, которые желали бы забрать въ свои руки руководство народными дѣлами.

Я не стану говорить о томъ, что дѣлалось въ этомъ «Обществѣ» въ теченіе 3-хъ лѣтъ, но я не могу не сказать того, что въ немъ сразу-же забрали силу лица, искусившіяся въ злостныхъ нападкахъ и инсинуаціяхъ по адресу духовенства, и три года толклись они на одномъ мѣстѣ, не будучи въ силахъ сдѣлать и одного шага впередъ, на одинъ шагъ двинуть впередъ это въ идеѣ безспорно полезное дѣло.

И показали они этимъ, всѣмъ показали, что не трудно производить шумъ и давать широкія обѣщанія, что легче критиковать что-либо, чѣмъ дѣлать оное, еще легче портить дѣло и совсѣмъ уже легко для человѣка, не считающагося съ совѣстью, мало культурнаго и невѣжественнаго, поносить другихъ и всячески ругать ихъ, ни за что обливая грязью, портя ихъ доброе имя, и вмѣстѣ рекламировать себя, кричать о своихъ заслугахъ, знаніяхъ и всевозможныхъ высокихъ качествахъ.

Можно себѣ представить, что было бы, если бы эти господа дѣйствительно взяли на свое попеченіе существующія у насъ здѣсь наши учрежденія. Примѣры налицо. Взались они за «Народный Домъ» и такъ уронили это дѣло, что теперь трудно и поднять его. Я бы желалъ, чтобы IX конвенція нашла возможность всесторонне обсудить вопросъ о Народномъ Домѣ въ Нью Йоркѣ и опредѣленно высказалась по нему.

Если конвенція признаетъ это дѣло общерусскимъ, имѣющимъ хотя какое-либо значеніе не для одного только Нью Йорка,

а для всѣхъ проживающихъ въ Америкѣ русскихъ людей, — если конвенція признаетъ существующее уже Общество «Р. Н. Д. въ Нью Йоркѣ» за то, которому слѣдуетъ выдавать назначенную отъ Об-ва Взаимопомощи прошлою конвенціею субсидію, — если конвенція единогласно скажетъ свое слово въ пользу этого Общества и единодушно выразитъ свое сочувствіе ему, тогда и я, имѣя въ виду просьбу о томъ недавно бывшей у меня депутаціи отъ этого Общества, сдѣлаю зависящія отъ меня распоряженія, могущія принести пользу этому Обществу.

Согласіе, единодушіе и воодушевленіе благородною цѣлью могутъ, при помощи Божіей, создать Русскій Народный Домъ въ Нью Йоркѣ. Безъ этого-же не только ничего у насъ не выйдетъ, но даже и существующее можетъ поколебаться.

Какъ раздѣлившееся царство не можетъ существовать, такъ и всякое человѣческое общество, — ибо добрая жизнь, съ возможностью дальнѣйшаго развитія и настоящаго прогресса, можетъ быть только тамъ, гдѣ есть миръ и братская любовь, эти начала христіанской жизни, — раздоры-же, споры, проявленія крайняго эгоизма и другія недобрыя чувства къ ближнимъ — плохой помощникъ въ жизни, — по крайней мѣрѣ, не ими создается благо жизни, вырабатываются добрыя условія для нея.

О, какъ заблуждаются, какъ грѣшатъ и какъ виновны, поэтому, предъ русскимъ народомъ тѣ, которые свои личные расчеты, свои собственныя выгоды, свое благополучіе всѣми способами стараются привязать къ общерусскому нашему дѣлу здѣсь и не останавливаются ни передъ чѣмъ, ни передъ какими средствами, въ отстаиваньи избранной ими позиціи.

Дѣло наше еще не окрѣпло, а они уже, подобно пьявкамъ, присасываются къ нему и набрасываются положительно съ

остервененіемъ на всѣхъ, кто мѣшаетъ имъ въ ихъ намѣреніяхъ.

Образумѣтесь, если можете, господа! Не будьте паразитами, разрушающими общее наше дѣло здѣсь. Дайте намъ твердо и прочно поставить его, такъ какъ оно, хотя и быстро пошло впередъ, но сильно еще нуждается въ поддержкѣ и правильномъ направленіи.

Вы не можете, вы не въ силахъ заглушить и тѣмъ болѣе разрушить наше дѣло, но вы своею враждою, своею злобою, своею непотребною и непристойною, недостойною мало мальски уважающаго себя человѣка руганью, нервируете нашъ добрый и, конечно, безмѣрно болѣе умный, чѣмъ вы, народъ, выбивая иногда изъ колеи даже и уравновѣшенныя натуры.

Вы, конечно, меня не слушаете, ибо слухъ вашъ закрытъ для моихъ рѣчей, — вы меня и не поймете, ибо мы съ вами говоримъ на разныхъ языкахъ, — вамъ понятенъ только языкъ площадной брани и ругани, — почему я въ теченіе двухъ лѣтъ ни единымъ словомъ не обмолвился вамъ въ отвѣтъ, — теперь-же скажу не вамъ о васъ, а всему моему русскому православному народу, что вы являете изъ себя не силу, а полное безсиліе, потому что всегда неистовствуете, — что вы и количественно и качественно представляете изъ себя то ничтожество, которое существеннаго вреда намъ не принесетъ, а будетъ только пакостить, какъ пакостило доселѣ.

Если вамъ угодно быть и надальше пакостниками, оставайтесь таковыми, чтобы въ концѣ-концовъ пріобрѣсть къ себѣ то общее презрѣніе, съ которымъ теперь уже относятся къ вамъ всѣ русскіе люди, дѣйствительно желающіе и дѣйствительно работающіе на благо живущихъ въ Америкѣ русскихъ людей.

А Ты, православный русскій народъ, и Вы, члены IX конвенціи Р. Пр. О. Взаимо-

помощи, знайте, что жизнь наша здѣсь въ этой странѣ можетъ преуспѣвать и развиваться только на томъ основаніи, на которомъ было заложено святое наше Православіе въ Америкѣ, — основаніе это — любовь и преданность св. Православію, нашей праѣдной вѣрѣ, и, въ сознаниіи общей всѣмъ намъ русскости, русское другъ къ другу братолюбіе.

Только стоя на этомъ основаніи, русскіе люди могутъ объединяться, а не разъединяться, могутъ широко ступать впередъ, къ прогрессу, къ свѣтлой лучшей жизни, — только при этомъ, и единственно при этомъ, условіи русскихъ людей можетъ ожидать здѣсь добрая достойная ихъ будущность.

Я закончу словами Спасителя нашего: «всякаго, кто слушаетъ слова Мои сіи и исполняетъ ихъ, уподоблю мужу благоразумному, который построилъ домъ свой на камнѣ; и пошелъ дождь, и разлились рѣки, и подули вѣтры, и устремились на домъ тотъ; и онъ не упалъ, потому что былъ основанъ на камнѣ. А всякій, кто слушаетъ сіи слова Мои и не исполняетъ ихъ, уподобится человѣку безразсудному, который построилъ домъ свой на пескѣ; и пошелъ дождь, и разлились рѣки, и подули вѣтры, и налегли на домъ тотъ; и онъ упалъ» (Мѡ. VII, 24—27).

Да не будетъ сего съ нашимъ дѣломъ здѣсь.

Сего и не будетъ, если мы будемъ строить жизнь свою не по тѣмъ песочнымъ проектамъ, съ которыми обращаются къ намъ, а на томъ основаніи, которое я уже указалъ, на которомъ она доселѣ строилась и единственно на которомъ и должна строиться.

Архіепископъ ПЛАТОНЪ.

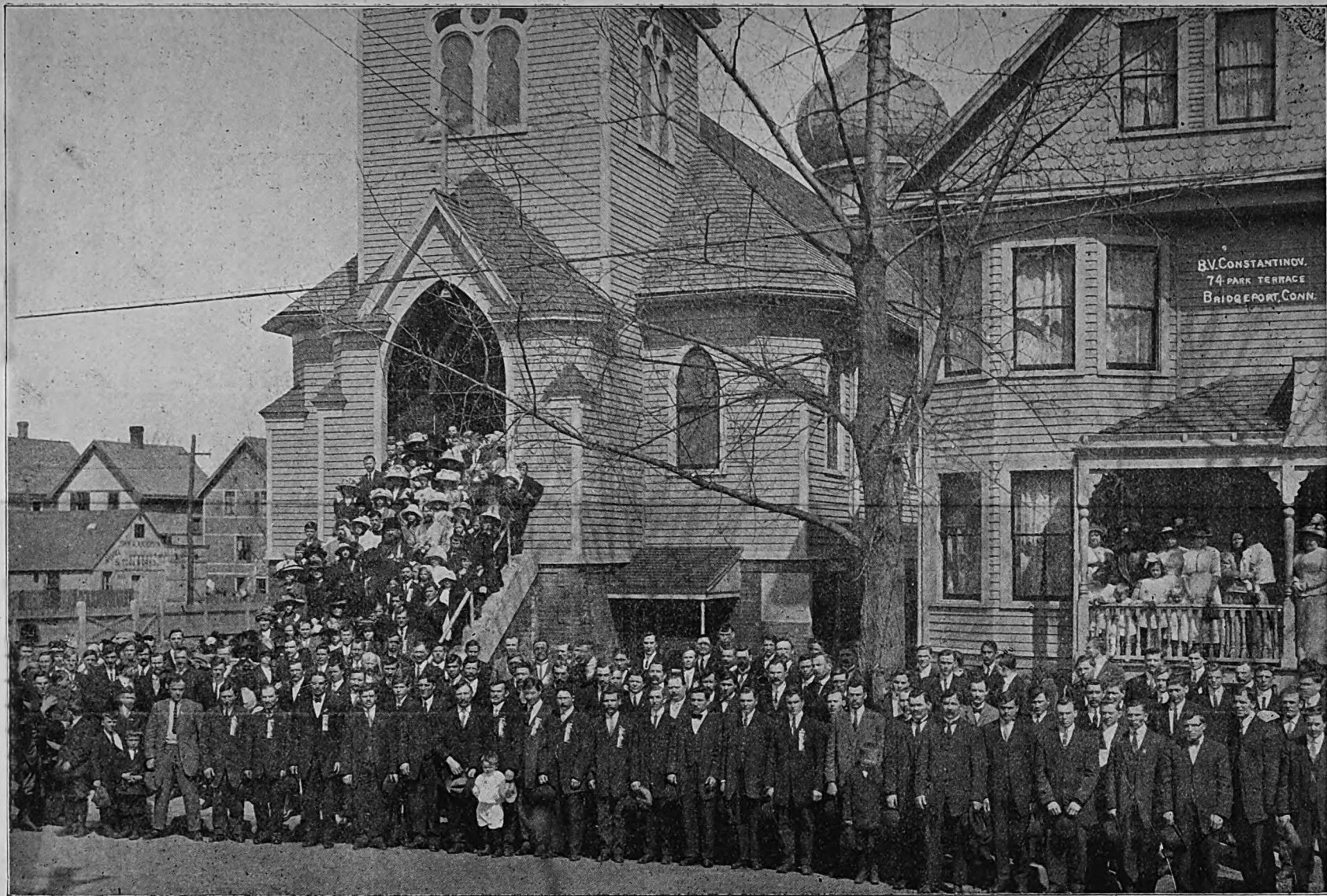
20 Апр., 1912 г., г. Нью-Йоркъ.

Бриджпортскій праздникъ.

15-го Апрѣля Православная Миссія въ Америкѣ торжественно отпраздновала обновление храма въ одномъ изъ старѣйшихъ своихъ приходо́въ, — въ Бриджпортѣ. Исторія этого прихода предносить предъ наши мысленные взоры образъ незабвеннаго «батька Руси Американской» прот. А. Г. Товта и его сотрудниковъ, энергично и безстрашно подвизавшихся въ тѣ трудные часы подъ апостольскимъ водительствомъ Преосвящ. Николая, нынѣ Архіепископа Варшавскаго. Не вѣрите, что только 18 лѣтъ отдѣляютъ насъ отъ того времени, когда слово православнаго благовѣстія впервые раздалось въ Бриджпортѣ и собрало подъ сѣнь православнаго храма дружину вѣрныхъ исповѣдниковъ праѣдной вѣры. Съ тѣхъ поръ, Бриджпортъ давно уже сталъ въ линію уравновѣшенныхъ, благоустроенныхъ приходо́въ, внесшихъ въ общую жизнь нашей Миссіи и свою памятную лепту...

Храмъ въ Бриджпортѣ въ своемъ первоначальникомъ видѣ могъ бы стоять еще и стоять, совершая свою задачу—быть молитвеннымъ домомъ для большой мѣстной паствы. Но школы достаточно-помѣстительной для дѣтей не было. И вотъ строительную проблему Бриджпортчане нынѣ очень благоразумно разрѣшили не сооруженіемъ новаго каменнаго храма, — о чемъ конечно многимъ мечталось, но что непременно втянуло бы приходъ въ неоплатные долги, — а расширеніемъ прежняго храма, поднятіемъ его на нѣсколько футовъ, приведеніемъ его въ благолѣпный, отвѣчающій идеѣ православной архитектуры и назначенію зданія видѣ, пристройкой сверху надъ алтаремъ и надъ притворомъ куполовъ, и устройеніемъ свѣтлага просторнаго зала подъ церковью, гдѣ свободно размѣститься можетъ свыше 200 дѣтей—школьниковъ.

Основная потребность приходскаго дѣла такимъ образомъ была блестяще удовлетворе-

Бриджпортскій храмъ и приходъ.

Фот. В. V. CONSTANTINOV.

на, и оставалось завершить дѣло торжественнымъ освященіемъ, совершить которое благоизволилъ самъ Высокопреосвященнѣйшій Владыка Платонъ. Святительское участіе Владыки въ этомъ праздникѣ дало полноту церковному ликованію мѣстной паствы, счастливой еще и тѣмъ, что на тотъ же день падало и десятилѣтіе славной миссіонерской священнослужительской дѣятельности въ Америкѣ всечестнѣйшаго Бриджпортскаго душепастыря благочиннаго о. М. Скибинскаго.

Богатѣйшая ризница мѣстнаго храма, чистота и свѣжесть красокъ, присутствіе многихъ братствъ, какъ мѣстныхъ такъ и изъ окрестъ, неизмѣнная краса и гордость прихода — Бриджпортскій хоръ, славный своимъ прошлымъ и имѣющій нынѣ, въ лицѣ Г. Т. Глѣбова опытнаго и искуснаго руководителя, вдохновенное поученіе Архипастыря, крестный ходъ подъ звонъ несравненныхъ Бриджпортскихъ колоколовъ, дарованныхъ 16 лѣтъ назадъ отъ Царскихъ щедротъ сему приходу и всегда чарующихъ русскаго человѣка, — все это питало душу богомольца святыми впечатлѣніями и воодушевляюще настраивало и совершителей давая мощность ихъ слову. Блесталъ своимъ «милозвучнымъ» гласомъ, конечно, и о. архидіаконъ Всеволодъ, который почувствовалъ себя наверху блаженства, когда очутился послѣ службы на колокольнѣ и какъ рѣдкій художникъ звонарнаго искусства началъ вливать жизнь въ сочетанія колокольныхъ звуковъ... «Помилуйте, — сокрушался ранѣе онъ, — такіе, можно сказать, богатыри — колокола и такое, можно сказать, убожество звука... А почему? — указательный и мизинецъ лѣвой руки кверху, и лѣвый глазъ многозначительно прищуренъ... Тутъ все какъ струна должно быть... Чуть что — бомъ, бомъ, бомъ—блинь, бомъ—лепешка»... И такъ возревновалъ о приведеніи веревокъ и всего прочаго въ «струнный» видъ, что и отъ обѣда отказался, и день обратилъ въ

Пасху, ибо колоколамъ отдыха ни на минутку не было.

Такъ утренняя служба отдана было торжеству освященія храма. Окрестные гости были радушно приняты приходомъ, все сіяло радостью, народъ группами — по пасхальному — прохаживался подлѣ церкви, заходилъ въ нее молиться, осматривалъ школу, приходилъ на поруку къ Владыкѣ, — словомъ все какъ тому и быть положено.

Посчастливилось въ тотъ день приходскому дому. Днемъ воспринялъ Высокопреосвященнѣйшій Владыка отъ купели первенца мѣстнаго псаломщика-учителя Г. Т. Глѣбова. Въ тотъ-же день—память св. Анастасіи — день ангела матушки о. Михаила—опять торжество, а когда съѣхались къ вечеру освободившіеся отъ воскресныхъ своихъ обязанностей по приходамъ собратья-священники, возглавленные Преосвященнѣйшимъ Владыкою Александромъ, для того, чтобы закончить ликованія сего знаменат. дня соборнымъ вечернимъ служеніемъ и чествованіемъ достопочтеннѣйшаго о. Юбиляра, то, пожалуй, такого освященнаго собора Бриджпортъ еще никогда ранѣе у себя и не видывалъ. Послѣ вечерни Высокопреосвященнѣйшій Владыка ободрилъ о. Михаила добрымъ отеческимъ привѣтствіемъ, вспомнявъ добродѣтельныя качества его души и, въ особенности, необычайное терпѣніе о. юбиляра при несеніи имъ безчисленныхъ скорбей и лишеній за всѣ годы миссіонерствованія—сначала въ мокрой и дикой Аляскѣ, послѣ въ морозной и суровой Канадѣ и наконецъ — въ жаркихъ Восточныхъ штатахъ Америки. Владыка поблагословилъ о. Юбиляра отъ имени Миссіи св. Иконой Николая Чудотворца, а отъ себя лично передалъ ему св. Евангеліе. О. Михайлъ растроганно благодарилъ Архипастыря и затѣмъ выслушалъ сердечный поднесенный ему отъ собратьевъ адресъ слѣдующаго содержанія:

15 Апр. 1912. *Благословляется и разрѣшается поднесеніе сего адреса и прочтеніе онаго въ храмъ предъ лицемъ Бридж-портской церкви въ день 10-лѣтняго юбилея священническаго служенія въ Миссіи всечестнаго священника Михаила Скибинскаго.*

Архіепископъ Платонъ.

«Глубокоуважаемый и дорогой
о. Михайль.

Простое чувство справедливости по отношенію къ трудамъ твоимъ и наша искренняя братская любовь къ тебѣ не позволяютъ намъ обойти молчаніемъ исполнившагося 10-лѣтія твоего добраго и вѣрнаго служенія въ высокомъ званіи миссіонера.

Въ далекой Аляскѣ, среди вымирающихъ, чуждыхъ намъ по языку и крови, но близкихъ по вѣрѣ, простодушныхъ алеутовъ, началось твое славное служеніе. Полный жизненныхъ силъ и святыхъ порывовъ, такъ свойственныхъ юношескому возрасту, ты здѣсь, уча другихъ, и самъ прошелъ суровую жизненную школу: Аляска—эта какъ бы ледяная могила—сковала своимъ дыханьемъ твой характеръ, сдѣлала его, спокойнымъ, ровнымъ, наградила тебя терпѣніемъ и самообладаніемъ, т. е. тѣми драгоценными качествами, которыя, вмѣстѣ съ Богомъ данною тебѣ разсудительностью, выдвигали тебя впередъ сравнительно съ собратіями твоими и какъ бы заставляли Начальство поручать тебѣ отвѣтственныя должности.

Но эта же омертвѣвшая природа Аляски, уже однимъ видомъ своимъ наводящая съ чуткой душой человѣка на глубокія размышленія, зажгла въ тебѣ огонь истинной ревности по Бозѣ и великой, самоотверженной любви къ блуждающимъ во тьмѣ и сѣни смертной меньшимъ братіямъ нашимъ. Жажущій миссіонерскаго подвига ты водружаешь свой миссіонерскій посохъ въ непривѣтливой Канадѣ хотя и среди родныхъ чуждъ русскихъ

людей, но врагами испорченныхъ, капризныхъ, неустойчивыхъ.

Какъ часто кроткая душа твоя раздиралась отъ скорбей и печалей, быть можетъ и невольно причиняемыхъ тебѣ ими. Какъ сердце твое болѣзненно сжималось, поражаемое ихъ неблагодарностью. Но конечно — больше всего ты тосковалъ о томъ, что пасомые твои—по внутреннему своему человѣку —далеко отстоятъ отъ Христа. Движимый святою ревностью, ты совершалъ воистинну апостольскія путешествія по лѣсамъ и дебрямъ Канадѣскимъ, самоотверженно отыскивая овецъ стада Иисусова.

Всегда такъ обычное послѣдствіе ревностныхъ миссіонерскихъ трудовъ — распатанное здоровье побудило тебя перейти на службу въ Штаты, а намъ всѣмъ твоимъ собратіямъ доставило величайшую радость видѣть въ рядахъ своихъ опытнаго миссіонера, добраго товарища-сослуживца, прекраснаго душевнаго человѣка.

Нашъ возлюбленнѣйшій Владыка сразу же поручилъ тебѣ руководство надъ собратіями, вполне увѣренный, что ты, не гордясь предоставленною тебѣ честью, будешь во истину *благо чинить*. И какъ пріятно намъ засвидѣтельствовать, что ты оправдалъ высокое довѣріе нашего Вождя, — ты взялъ ближе къ Нью Йорку, т. е. ближе къ Архипастырю, ты поставленъ во главѣ Нью-Йоркскаго благочинническаго округа.

Гори же и свѣти, дорогой нашъ о. Михайль, еще много и много лѣтъ. Радуй Святителя нашего трудами своими, а мы, глядя на тебя, и сами будемъ радоваться отъ сознанія, что такимъ достойнѣйшимъ членомъ какъ ты, украшается наша миссіонерская семья».

Позднѣе въ домѣ, выраженіе изъясненныхъ въ адресѣ чувствъ восполнено было поднесеніемъ о. Михаилу чайнаго серебрянаго сервиза, и какъ ранѣе въ церкви, такъ и подъ сводами радушнаго дома приходскаго долго раздавались искреннія многолѣтствованія въ честь о. Юбилера.

Римская и Протестантская Миссія.

Concerning the Roman and the Protestant Mission.

By the Reverend T. I. Boutkevich.

BEING

part of a report read at a meeting of a special committee on the missionary work of the Holy Synod.

(Продолженіе.)

Министры и сановники въ глазахъ нашихъ раскольниковъ—слуги антихриста. Но раскольники враждебно относятся не только къ русскому царю и русскому правительству, но и ко всѣмъ вообще русскимъ людямъ, какъ никоніанамъ, еретикамъ, подвластнымъ антихристу. Даниловцы и филиповцы считаютъ тяжкимъ грѣхомъ даже заговорить съ православными; еедосѣвцы всѣ купленные на рынкѣ продукты очищаютъ 100 поклонами, дабы на нихъ чрезъ отверстие въ горшкѣ снизошла благодать Божія. Въ глазахъ раскольниковъ православные хуже евреевъ, хуже папистовъ, хуже магометанъ. Питая такую враждебность ко всѣмъ русскимъ людямъ, раскольники никогда не считали преступнымъ причиненіе вреда и Россіи вообще. Многіе изъ нихъ, какъ извѣстно, бѣжали въ Турцію (некрасовцы), поселились тамъ и во время нашихъ турецкихъ войнъ, не исключая и послѣдней — восточной, становились въ ряды турецкихъ войскъ и сражались противъ своихъ братьевъ — россіянъ; но особенно много вреда причиняли они русскимъ войскамъ въ качествѣ турецкихъ шпионовъ. Въ 1812 году всѣ русскіе люди, предавъ пламени свое имущество, оставили Москву; одни только раскольники, дѣды и прадѣды теперешнихъ Морозовыхъ, Рябушинскихъ, Гучковыхъ, съ радостнымъ біеніемъ сердца ожидали прибытія Наполеона. На Воробьевыхъ

(Continued.)

Ministers and high state dignitaries in the eyes of the dissenters, also are servants of Antichrist. However, they think with animosity not only of the Russian monarch or the Russian statesmen, but of all Russian people in general as followers of Nikon and heretics, subjects of Antichrist. The Daniloff and the Philipoff sects think it is simply to talk to the orthodox. And the Fedossieff sect having bought some market produce think it so polluted as to need purification by the means of a prayer accompanied by a hundred bows of obeisance so that the grace of God might penetrate into the coking pot through the opening. In the eyes of the dissenters the Orthodox rank below the Jews, the papists and the Mahometans. Feeling so much animosity towards all Russians, the dissenters never hesitated to harm Russia in general. Many removed themselves to Turkey (the Nekrasoff sect) and having settled there fought in time of war, not excepting our last eastern war with Turkey, in the Turkish ranks and against their own brothers. They did especially great harm to the Russian army acting as Turkish spies. In 1812, having set fire to all their earthly possessions, the Russians abandoned Moscow; but the dissenting ancestors of the richest Moscow merchants of our day like the Morosoffs, the Raboushin-

горахъ, черезъ французскаго коменданта Москвы генерала Дюронеля, они поднесли ему хлѣбъ-соль на серебряномъ блюдѣ и глупую тарелку червонцевъ, прося его милостей къ себѣ. 12 сентября на Преображенскомъ дладбищѣ они давали Наполеону роскошный обѣдъ; а на Рогожскомъ, съ разрѣшенія «новаго царя Россіи», часовня была освящена въ церковь. Отказавшіеся молиться за своихъ природныхъ царей, раскольники неопустительно молились за Наполеона, прося ему побѣдъ надъ Александромъ! Пользуясь покровительствомъ французскаго авантюриста, они безнаказанно грабили православные храмы, похищая древнія иконы и утварь. Какой-то изувѣръ-раскольникъ, по имени Никифоръ Тимофеевъ, утащилъ даже часть мощей святителя Филиппа... Какъ далеко простиралось лицемѣріе раскольниковъ, можно судить потому, что въ расколѣ образовалась особая секта—наполеоновцевъ, почитающихъ Наполеона воплощеннымъ Христомъ, Спасителемъ міра и покланяющихся предъ иконою (!), изображающею Наполеона возносящимся на небо... И какая иронія судьбы: эта секта раньше всего появилась въ бѣлокаменной Москвѣ *)!.. Не считали для себя раскольники позоромъ вступать въ сношенія съ русскими эмигрантами и революціонерами: полякомъ отуреченнымъ — Садыкъ пашею (Михайломъ Чайковскимъ), Гончаровымъ, Равскимъ и Жуковскимъ, которые, собственно, и дали имъ ихъ австрійскую лжеіерархію. Не устыдились наши раскольники посылать своего лжеепископа Пафнутія въ Лондонъ къ революціонерамъ. Герцену, Бакунину, Кельсіеву и Огареву, съ тѣмъ, чтобы устроить въ Лондонѣ для раскольническаго «новгородскаго архіепископа» каедральный соборъ, монастырь, типографію... По внушенію этихъ друзей своихъ въ 1854 году наши раскольники учинили гнусный замысль царубійства. Главными участниками этого за-

skys, and the Gouchkoffs awaited the arrival of Napoleon, their hearts beating with joy. On the Vorobieff hills¹⁾, through Duro-nelle, the French commendants of Moscow, they offered to Napoleon, the welcome bread and salt on a silver dish and another dish filled with gold coins, asking him to be merciful to them. On September 12 they treated Napoleon to a magnificent dinner in one of their parishes, and in another, by *permission of the new Zar of Russia*, a chapel of theirs received the necessary consecration to become a church... Having refused to pray for their natural monarchs, these dissenters prayed without any hesitation for Napoleon, asking God to give him victory over Alexander I. Sure of the French adventurer's protection, they looted unpunished the Russian churches, stealing ancient images and precious ecclesiastical furniture. A certain dissenting fanatic, Nicephor Timofeieff by name, carried off even a part of the undecayed remains of the most holy Philip²⁾.

One can judge of the extent of the dissenters hypocrisy by the fact that there even arose a new sect of Napoleonists, who worshiped Napoleon as the incarnation of Christ, the Saviour of the world, and who prayed before an *icon* (!), which represented Napoleon's ascension into heaven³⁾. And was not it as if fate mocked us by allowing this sect to receive its origin in our own Moscow of the White Stones! Neither were the dissenters ashamed of entering into communications with Russian refugees and revolutionists..., who were properly the people to give the dissenters their false Austrian

1) The spot where the victorious Napoleon awaited the surrender of the citizens of Moscow and instead was greeted by the sight of flames, springing all over the city.—V. J., translator.

2) The famous opposer of John the Terrible at the period of this Zar's most monstrous cruelties, for which the prelate was eventually assassinated.—V. J., translator.

3) Other details concerning the Napoleonists can be found in Kelsieff's collection, pp. 135—137.

*) Подробнѣе о наполеоновцахъ можно читать въ сборникѣ Кельсіева стр. 135—137.

мысла были: раскольническіе лже-епископы Алипій и Аркадій и раскольники-міряне. Гончаровъ, Никита Бѣляевъ и нѣкіе Стефанъ, Ѳеодоръ и Димитрій. Не по волѣ этихъ лицъ не удался ихъ гнусный замыселъ.

Послѣ сказаннаго ясно, за что иногда правительство наше преслѣдовало раскольниковъ. Но религіозной совѣсти ихъ никто никогда не стѣснялъ.

«По мнѣ, — объявилъ, напр., Петръ I, — пусть раскольники вѣруютъ, чему хотятъ, и когда уже нельзя ихъ обратить отъ суевѣрія рассудкомъ, то, конечно, не пособить ни огонь, ни мечъ; а мучениками за глупость быть, — ни они той чести недостойны, ни государство пользы имѣть не будетъ». Мало того, Петръ, какъ извѣстно, даже покровительствовалъ раскольникамъ, особенно поморцамъ, керженцамъ и стародубцамъ; въ самомъ Петербургѣ онъ позволялъ раскольникамъ устраивать молельни и бывалъ на ихъ празднествахъ. Дочь Петра, Елизавету, за вѣротершимость къ раскольникамъ прославляли даже европейцы, а ея указъ о предоставленіи особыхъ правъ и преимуществъ вѣтковцамъ, какъ извѣстно, былъ даже переведенъ на многіе иностранные языки. Петра III сами раскольники превозносятъ, какъ государя, относившагося къ нимъ съ удивительною благосклонностію и даровавшаго имъ свободу, при самомъ вступленіи своемъ на престолъ. Екатерина II не только не стѣсняла религіозной совѣсти раскольниковъ, не только предоставила имъ полную свободу вѣроисповѣданія, но и награждала ихъ особыми правами и преимуществами политическими. Отнимая имущества у православныхъ монастырей, подвергнувъ безсердечнымъ мукамъ православнаго Архіепископа Арсенія Маціевича, въ то же время выговскимъ раскольникамъ она подарила въ вѣчное владѣніе цѣлыхъ 12,500 десятинъ прекрасной земли; раскольникамъ всѣхъ толковъ она дозволила носить бороды, сохранить ихъ костюмъ; освободила ихъ отъ всякихъ податей и рекрутска-

hierarchy... It is under the the influence of these friends of theirs that the dissenters planned the assassination of the Zar in 1854. The most active part of this plan was to belong to two sectarian pseudo bishops and five sectarian laymen. It was very much against the will of these persons that the base plan did not succeed.

The above sufficiently explains why our government at times had cause to persecute the dissenters. But no one ever did violence to their religious conscience.

For instance, Peter the Great declared: "to my mind let the sectarians believe whatever they wish and when reasoning did not succeed from turning them from superstition, neither fire nor sword could be of the slightest help; and as to making martyrs of them for their nonsense, it is certainly too much honour for them, neither will the government profit by it". Besides, it is known that some sects were especially patronized by Peter the Great; he permitted them to have their prayer houses in the very heart of St. Petersburg and visited them on the occasions of their celebrations. Peter's daughter Elizabeth was praised by other European nations for her tolerance towards the dissenters, and her declaration of the granting of special right and privileges to the Vetkoff sect was translated into the languages of various foreign countries. Peter III was praised by the dissenters themselves, as a monarch who treated them with wonderful indulgence and granted them freedom at the very beginning of his reign. Catherine the Great not only never interfered with the religious conscience of the dissenters, not only did she grant to them the complete freedom of confession, but she also favoured them with special rights and political privileges. She deprived Orthodox monasteries of their possessions and inflicted cruel torture on the Orthodox bishop Mazievich, but at the same time she presented the Vigoff

го набора. Безпоповцамъ она разрѣшила свободно селиться въ самой Москвѣ и основать тамъ большую общину — Преображенское кладбище; а поповцамъ было дозволено учредить такую же общину подъ названіемъ Рогожскаго кладбища. О вѣротерпимости Александра I и говорить нѣтъ нужды.

Николай I сталъ относиться къ раскольникамъ довольно строго только послѣ раскрытія ихъ заговора на жизнь и обнаруженія ихъ преступной связи съ революціонерами. Александръ II открыто выражалъ раскольникамъ свое благорасположеніе. При Александрѣ III религіозная совѣсть раскольниковъ также ничѣмъ не была стѣсняема. Вотъ нѣсколько выдержекъ изъ законовъ, опубликованныхъ по волѣ этого государя (Собр. указ. 1883 г. мая 24-го, ст. 469. Полн. Сбор. зак. т. III 1883 № 1545): «Раскольникамъ дозволяется творить общественную молитву, исполнять духовныя требы и совершать богослуженіе по ихъ обрядамъ какъ въ частныхъ домахъ, такъ равно въ особо предназначенныхъ для сего зданіяхъ... Уставщики, наставники и другія лица, исполняющія духовныя требы у раскольниковъ, не подвергаются за сіе преслѣдованію».

Правительство, съ самаго начала появленія раскола, торжественно заявило, что если оно иногда бываетъ вынуждено карать раскольниковъ, то караетъ ихъ не за ихъ религіозныя вѣрованія, а только за ихъ политическія и другія вредныя для общественной жизни дѣянія. Такъ уже въ 1681 году, подвергая раскольниковъ карѣ въ первый разъ, правительство пояснило, что это дѣлаетъ оно «за великія поносительныя рѣчи противъ царскаго дома». Поведеніе правительства правильно понимали и сами раскольники и ихъ интеллигентные друзья—русскіе революціонеры. Такъ Кельсіевъ (въ своемъ «Сборникѣ» стр. 95) говоритъ: «Сначала на расколь смотрѣли только какъ на чисто религіозную секту; но вскорѣ замѣтили въ немъ *политическій* характеръ, и тогда послѣдовали

dissenters with 12,500 acres of excellent land; she granted all the dissenters the right to wear their beards and preserve their dress, and freed them from all taxes and the duty to supply recruits for the army. To the sect who do not accept priests she allowed the right to settle down in Moscow and to found there a large community; the dissenters who accept priesthood were also permitted by her to found a community of their own under a different name.

We need not speak of the religious tolerance of Alexander I.

Nicholas I treated the dissenters with some severity only after the disclosure of their plan to assassinate him and of their criminal relations with the revolutionists. Alexander II openly showed that he was well disposed towards the dissenters. In the reign of Alexander III also there were no restrictions on the religious conscience of the dissenters. Here are a few excerpts from the laws published by order of this monarch:

“Dissenters are permitted to hold public prayers, to administer special spiritual ceremonies and perform divine service according to their ritual, as in private houses so equally in buildings specially destined to that end. Catechisers, teachers and other persons, who perform ecclesiastical rites among the dissenters, incur also legal prosecution”.

Ever since the first appearance of dissent, the government solemnly announced that though it sometimes must punish dissenters, it never punishes them for their religious beliefs, but for political and various other activity harmful to the life of the community. As early as 1681, punishing dissenters for the first time, the government announced that it does so for “talk greatly abusing the house of the Zar”. The attitude of the government was correctly understood both by the dissenters themselves and by

законы противъ раскольниковъ совершенно противоположные выше помянутому (весьма либеральному) взгляду». Вѣрно понимаютъ сущность раскола и западно-европейскіе ученые. Такъ, берлинскій профессоръ Герингъ, написавшій цѣлое изслѣдованіе о нашемъ расколо-сектантствѣ, говоритъ: «По своему *догматическому* учению раскольники такъ близко родственны съ православными, что стоящій внѣ ихъ взаимныхъ споровъ только съ трудомъ можетъ отыскать тѣ пункты, въ которыхъ воззрѣнія, относящіяся собственно къ учению о спасеніи, у обоихъ противниковъ находятся въ такомъ непримиримомъ противорѣчии, что исключается всякое общеніе. Равнымъ образомъ они не различаются и въ своихъ принципиальныхъ стремленіяхъ: тѣ и другіе хотятъ быть правовѣрующими или православными и при томъ — по однимъ и тѣмъ же авторитетамъ; тѣ и другіе имѣютъ одинаковыя принципиальныя воззрѣнія на клиръ и таинства; тѣ и другіе одинаково придаютъ существенно важное значеніе обрядамъ. . . Поэтому если бы расколъ былъ явленіемъ *только религиознымъ*, то онъ самъ по себѣ не могъ бы долго существовать: онъ скоро слился бы съ русскою Церковію... На самомъ дѣлѣ расколъ есть явленіе столько-же (?) религиозное, сколько и социальное-политическое, консервативно-реакціонное, а со временъ Петра онъ принимаетъ уже особый, чисто *революціонный* характеръ и оказываетъ противодѣйствіе не только церкви, но и государству».

Лишь при такомъ, совершенно правильномъ представленіи о сущности и характерѣ раскола, какое составили себѣ Кельсиевъ и Герингъ, понятно и двойственное отношеніе нашего правительства къ раскольниковамъ: когда наши государи видѣли въ расколѣ только религиозное явленіе, хотя бы то даже и въ видѣ самыхъ безсмысленныхъ сектъ его, какovy: нѣтовцы, немоляки, дырники, и т. под., они относились къ нему съ полною вѣротерпимостію и даже благорасположеніемъ; но

their intellectually cultured friends, the Russian revolutionaries. Thus Kelsieff says in his book (p. 95): "At first dissent was considered to be a purely religious sect, but soon its *political* character was observed, and then came forth laws against the dissenters entirely opposed to the above mentioned (very liberal) view". The learned people of the West of Europe also understand the essence of dissent quite correctly. For instance professor Hering of Berlin, who wrote a complete research about our dissenters says: "In their dogmatical teaching, the dissenters are so closely akin to the orthodox, that a person, standing outside their disputes, finds it very difficult to discover the points specially relating to the doctrine of salvation which are viewed by the opponents with such irreconcilable variance as to exclude all chance of communion. Neither do they differ in their principial tendencies: they both desire to be right-believing or orthodox, relying in this on the same authorities. Both in principle have the same views of the clergy and the sacraments, both ascribe the same essential importance to ritual. Therefore if dissent were *exclusively a religious* function, it could not exist for long as such: soon enough it would blend with the Russian Church. But in reality, dissent is as much a religious phenomenon as a social and political one, of a conservative reactionary kind. And since Peter the Great it assumes a special and purely revolutionary character and begins to oppose both the church and the state".

The double character of the attitude of our government towards the dissenters can be understood only from the perfectly correct point of view which Kelsieff and Goering have succeeded in forming for themselves. When our monarchs saw some form of dissent to be a phenomenon simply of a religious character, however stupidly ignorant its peculiarity, they treated it with per-

какъ только они усматривали въ немъ проявление вреднаго политическаго элемента, нетерпимаго ни въ какомъ государствѣ, они предпринимали противъ него внѣшнія, полицейскія мѣры. Другими словами: если по отношенію къ раскольникамъ у насъ и нарушался принципъ вѣротерпимости въ смыслѣ стѣсненія раскольниковъ, то побужденіемъ къ этому служили не религіозные, а политическіе мотивы, а виновниками этого были только сами раскольники.

«0»

Big Show.

Въ Нью-Йоркской гавани и безъ того всегда стоялъ страшный гулъ отъ лязга цѣпей, скрипа возовъ и крика чернорабочихъ. Но когда раздался еще и ревъ духового оркестра и смѣшался съ долгимъ и оглушительнымъ ревомъ подѣзжавшаго океаническаго парохода, уніатскіе ксендзы, дотолѣ задумчиво стоявшіе въ толпѣ, вдругъ зашевелились и на ихъ бритыхъ и уштаныхъ лицахъ разлилось самодовольство.

Помпа, съ какой они встрѣчали своего перваго епископа, совершенно неожиданно вышла очень внушительной...

Ну, а епископъ?

Статуя Свободы, грандіозныя зданія дѣлового Нью-Йорка, сотни бритыхъ американскихъ фізіономій, среди встрѣчавшихъ, въ замѣшательствѣ принятыя имъ за фізіономіи подчиненныхъ ему ксендзовъ, ревъ трубъ, — все это подавило его и онъ безъ словъ сразу отдался въ руки ксендзовъ.

Прямо съ парохода они повезли его не въ церковь, но въ огромный роскошный ресторанъ, гдѣ съ нимъ плотно пообѣдали, за его благополучное прибытіе изрядно выпили и кучу комплиментовъ ему наговорили.

Воодушевленный ими, онъ сразу хотѣлъ, было, двинуться на ненавистныхъ ему и имъ москалей, но вдругъ вспомнилъ, что на немъ ряса, которая будетъ ему немного мѣшать, и рѣшилъ немедленно замѣнить ее штанами и

fect tolerance and even kindness; but as soon as they noticed in it signs of a harmful political element, which is not tolerated by any state, they ordered the police to take exterior measures against it. In other words, whenever our government seemed untrue to its principle of religious tolerance and measures of oppression were taken against the dissenters, the government was not moved by any religious motives, but by political causes, and the dissenters themselves were at fault.

сюртукомъ. Но въ сколькихъ магазинахъ онъ вмѣстѣ съ услужливыми ему ксендзами ни побывалъ, ни въ одномъ, къ стыду американцевъ, не могъ найти подходящаго для своей гигантской фигуры свѣтскаго костюма — и пришлось заказать.

Но и американцы сообразили: прежде, чѣмъ выпустить его отъ себя уже переодѣтымъ, сняли съ него для англійскихъ газетъ фотографію, какъ обычно снимаютъ съ разныхъ диковинныхъ людей—карликовъ и великановъ: не въ одиночку, но рядомъ съ нормальными людьми. Поставили подъ нимъ и его вѣсъ—пятнадцать пудовъ. Не доставало только надписи: «Самый огромный человекъ въ мірѣ! Цѣна за входъ пять копѣекъ!» — и вывѣска для провинціального балагана была бы готова.

Впрочемъ, и безъ того сенсация получилась полнѣйшая...

Спортсмены и боксеры, каковыхъ здѣсь множество, впали въ экстазъ...

Разнаго рода предприниматели только ахнули: — Помилуйте, — завопили они — такой рѣдкій экземпляръ и вдругъ разгуливаетъ на свободѣ... И серьезно призадумались, нельзя ли—въ самомъ дѣлѣ—его въ какой-нибудь музей засадить, чтобы и для публики интересно развлеченіе было и для хозяевъ—доходъ.

А нѣмцы-колбасники только затылки съ

досады почесали:—Какъ же, этакая туша и зря пропадаетъ...

Москали-схизматики и тѣ невольно за-любовались имъ:—Московский нашъ купчина—милліонщикъ, да и только!—дружно рѣшили они.

И честь Нью-Йоркскихъ магазиновъ, по-видимому, была восстановлена; во всякомъ случаѣ—они остались въ тѣни.

Тѣфу... совсѣмъ перенуталь и униатскому епископу приписаль то, что случилось съ его митрополитомъ. Впрочемъ, одѣтый въ штаны и сюртукъ, и онъ фигурировалъ на этой, своего рода исторической фотографіи, но—по недоразумѣнію—въ качествѣ нормального индивидуума...

Инквизиторъ.

Есть и теперь двоякаго рода разбойники: одни изъ нихъ до-гола обирають и до смерти избиваютъ мирно идущихъ изъ Іерусалима въ Іерихонъ; другіе, уже пригвожденные къ позорному кресту, все еще глумятся надъ страждущимъ и умирающимъ предъ ними и за нихъ Христомъ. Въ числѣ такихъ разбойниковъ оказались и униатскіе ксендзы съ приѣздомъ къ нимъ атамана—униатскаго епископа. Шумной ватагой ворвались они въ домъ Божій и создали изъ него разбойничій вертепъ для себя.

Знаете ли, стап кого, вооруженныя ножами, наручниками и револьверами, во тѣмъ ночи подстерегали, сбивали съ ногъ, разбивали очки православнымъ миссіонерамъ, шедшимъ по просьбѣ народа на вѣча или возвращавшимся съ нихъ?

Стап униатовъ...

И знаете ли, кто и гдѣ ихъ натравиль?

Униатскій епископъ въ церкви за божественной литургіей!

И знаете, кто имъ ножи противъ ихъ братьевъ, тоже русскихъ, только православныхъ, благословляль?

Униатскіе ксендзы!..

Впрочемъ — тогда для униатовъ только начинался медовый мѣсяцъ. Очарованные своимъ первымъ епископомъ, онъ еще не за-

мѣчали въ немъ лютаго волка, искусно прикрывшагося овчей шкурой, и безпрекословно повиновались ему.

— Ну и здорово проклятымъ москалямъ нашъ бискупъ сегодня накласть! — восторгались они, выходя изъ церкви послѣ перваго епископскаго служенія съ заплаканными глазами, съ высоко задранными носами и съ судорожно сжатыми кулаками. — А какъ говорить! Словно Златоустъ! И не хочешь плакать, а плачешь.

— Ну тамъ больше бабы ревѣли! — успокаивали встревоженныхъ православныхъ добровольные лазутчики. — А для бабъ много ли нужно? Только вспомни о старомъ краѣ, о покинутыхъ въ немъ старенькихъ родителяхъ, вотъ и раздался бабій ревъ. Программа извѣстная...

А униатовъ вдругъ огорашиваютъ:—Говорить то бискупъ вашъ красно, да одна бѣда: заговаривается. Развѣ не замѣтили, какъ ксендзь, становившійся подлѣ него, будто слушать, по временамъ дергаетъ его за рукавъ?..

Присмотрѣлись: дѣйствительно, правда. И пришлось носы опустить.

Хотя люди во всѣхъ униатскихъ приходахъ были одной крови и одной вѣры, но такъ какъ происходили они изъ разныхъ мѣстъ и это отразилось на ихъ разговорномъ языкѣ и церковныхъ напѣвахъ, то между ними незамѣтно появился антагонизмъ.

Потомъ обнаружилось, что не у всѣхъ былъ одинаковъ и политическій идеалъ: одни мечтали о независимой Украинѣ безъ попа, пана и хлопа; другіе о политическомъ и духовномъ сляніи съ Россіей; третьи о независимой Венгріи и искали новаго Кошута.

И оттого антагонизмъ еще болѣе усилился.

Примирить враждующихъ между собой, призывомъ къ братской любви и широкой терпимости—могла ли быть задача для униатскаго епископа возвышеннѣе этой?

Увы, польскій патріотъ возобладаль въ немъ надъ епископствомъ и онъ ударился въ по-

литику, противоположную Евангельской, зато чисто польскую: сталъ еще больше раздѣлять, чтобы властвовать; въ угоду большинству—были ли то угорщане или галичане—чернить меньшинство.

Волками, готовыми перегрызть другъ другу горло, смотрѣли теперь уніаты, выходя изъ церкви послѣ епископскаго служенія.

Въ его польской душѣ жила страшная ненависть ко всему истинно русскому. Къ украинству только потому онъ и примкнулъ, что оно было созданиемъ польскаго злого генія и главнымъ движущимъ его нервомъ была эта ненависть.

Съ особенной силой, граничащей съ жестокостью, обрушился онъ на тѣхъ немногихъ священниковъ, которые еще держались старыхъ русскихъ завѣтовъ и потому были любимы народомъ. Безъ просьбъ, вопреки протесту народа, переводилъ онъ ихъ съ лучшихъ приходоу на худшіе, уже развращенные украинскими ксендзами, дышавшіе ненавистью ко всему русскому, а на ихъ мѣста украинцевъ-развратителей.

Въ то же время онъ не забывалъ и о православныхъ. Въ Филадельфій, гдѣ значительная часть его прихожанъ перешла къ галицкому православному священнику, онъ натравилъ на него оставшихся еще при немъ прихожанъ, а потомъ занеръ его въ тюрьму.

Чуть ли не съ самаго его пріѣзда въ народъ начала ходить чудовищная молва, что за епископскую митру онъ согласился уничтожить въ уніатской церкви тѣ жалкіе остатки привилегій, какія выговорили для нея у Рима при заключеніи съ нимъ уніи предатели изъ страха передъ глубоко преданнымъ православію народомъ. Но вотъ достали и документы—и всѣмъ стало ясно, что за пазухой онъ спряталъ ножъ и напряженно выжидаетъ случая, когда удобнѣе будетъ вонзить его въ самое сердце уніатской церкви.

Чтобы отвлечь отъ себя вниманіе подозрительно насторожившагося народа, онъ еще сильнѣе кричитъ противъ москалей и

плачетъ надъ погибшими въ схизмѣ и клянется въ любви къ русскому народу и его вѣрѣ, но уже съ ненавистью народъ слушаетъ его и нескрываемымъ смѣхомъ отвѣчаетъ ему...

И вдругъ открылось, что этотъ инквизиторъ не имѣетъ даже полноты епископской власти, во всемъ подчиненъ ненавистнымъ народу ирландскимъ католическимъ епископамъ; на нихъ старается позаписывать, для упроченія своего пошатнувагося положенія, и русскія церкви.

И яростью запылали даже фанатичные его приверженцы-украинцы.

И уже иная картина раскрывается передъ зрителемъ: уніатская церковь; противъ нея на улицѣ стоитъ запряженная парой бѣлыхъ коней карета; между церковью и каретой скопилась толпа возбужденнаго народа; вооруженные палками, полисмены еле сдерживаютъ ее...

— Вѣроятно, опять пріѣхалъ къ уніатамъ ихъ епископъ и они съ помпой его встрѣчаютъ? — пускаются въ догадки стоявшіе отдалъ православные.

— Гдѣ тамъ! Уже въ церковь не пускаютъ, — сообщаетъ имъ одинъ возвратившійся оттуда: заперли передъ нимъ двери. — Перессорилъ — кричатъ — насъ между собой, отобралъ у насъ нашу вѣру, а теперь хочетъ отобрать для ирландцевъ и наши церкви. Долой съ слугой ирландцевъ! Долой съ измѣнникомъ!

И съ паперти уніатской церкви этотъ грозный крикъ выведеннаго изъ себя народа эхомъ отдался въ всѣхъ уголкахъ Америки на многолюдныхъ вѣчахъ.

Что потомъ со своими ксендзами-украинцами инквизиторъ ни дѣлалъ, какіе сборчики для поднятія религіозной и общественной жизни уніатовъ, а въ дѣйствительности—для поднятія престижа ни созывалъ, съ какихъ уже существующихъ православныхъ учреждений копии ни предлагалъ: и съ семинаріи, и съ сиротскаго пріюта, и съ Эмигрантскаго до-

ма, — отвѣтомъ со стороны извѣрившагося въ немъ народа было или благодарное гробовое молчаніе или дикое «Прочь съ нимъ»!..

Не помогъ ему и уніатскій митрополитъ. Едва онъ вступилъ на Американскую землю, какъ имъ же взлелѣянные украинцы забросали его гнилыми яйцами и еще тише онъ поспѣшилъ уѣхать въ старый край...

Прихлынувшая было къ инквизитору и высоко вознесшая его волна народная вдругъ отхлынула отъ него въ православіе и, лишенный опоры, онъ шлепнулся съ высоты въ самое болото. Но, къ несчастію, не разбился. Говорю: къ несчастію, ибо человѣку, у котораго есть хоть капля самолюбія, въ его положеніи было лучше умереть, чѣмъ изъ Златоуста быть низведеннымъ, да еще на основаніи докторскаго свидѣтельства, въ сумашедшіе...

Чѣмъ больше всматриваешься въ эту личность, тѣмъ больше поражаешься, что въ ней было, собственно, епископскаго! Только ризы, да и тѣ, какъ греческаго покроя, вѣроятно, жгли ему плечи...

Такъ сѣялъ онъ со своимъ митрополитомъ вѣтеръ и вотъ пожалъ бурю. Еще не стихли звуки духового оркестра, которыми его встрѣчали, а уже его гонятъ. И, какъ слышно, ѣдетъ и онъ «до края», вѣроятно, замывать митрополиту загаженный яйцами новый сюртукъ. Скатертью дорога!....

Свящ. Ѡ. Букетовъ.

«0»

Методисты объявляютъ войну Римо-Католикамъ.

(Окончаніе.)

«Вотъ вамъ. Говорятъ совершенно открыто и во всеуслышаніе. Здѣсь, на американской почвѣ, р.-католическая церковь желаетъ возстановить свое растрясенное могущество. Ей итти больше некуда. Въ указанномъ заявленіи мы находимъ нескрытый вызовъ протестантизму. Это значитъ, что здѣсь, въ Новомъ Свѣтѣ, должна произойти рѣшительная битва между католичествомъ и реформацией. Мы, протестанты, должны по-

казать, вѣримъ ли мы, что наши отцы были правы, когда они отложились отъ Рима,—вѣримъ ли мы, что доктрины, провозглашаемыя протестантизмомъ, суть правильное истолкованіе слова Божія?»

«Хотимъ ли мы видѣть Америку р.-католическою страной? Если нѣтъ, то мы должны быть готовы принять настоящей вызовъ».

«Хотя у насъ нѣтъ такихъ широко популярныхъ личностей, какъ, напр., архіепископы Ireland, Farley, O'Connell, Gibbons, но у насъ есть люди вполне равные имъ по силѣ своихъ дарованій».

«Теперь предстоитъ намъ лицомъ къ лицу встрѣтиться съ надвигающеюся силой р.-католицизма. Методизмъ, какъ наиболѣе многочисленная изъ протестантскихъ деноминацій, долженъ первымъ выступить показать сопротивленіе наступательному движенію Рима. Настала пора всему протестантству объединиться и сдѣлать все возможное для него — и больше того, — чтобъ спасти Америку для протестантскаго христіанства!»...

Если обратимся къ статистикѣ христіанскихъ деноминацій, то увидимъ, что всего христіанства въ Америкѣ 35,836,190. По количеству своихъ членовъ главнѣйшія изъ нихъ располагаются въ такомъ порядкѣ:

1. Римо-католиковъ .. 12,575,185
2. Методистовъ 6,819,660
3. Баптистовъ 5,634,565
4. Лютеранъ 2,289,897
5. Пресвитеріанъ 1,944,181
6. Епископаловъ 956,930

Такимъ образомъ католики составляютъ 1/3 всѣхъ христіанъ въ Америкѣ, а чрезъ двадцать пять лѣтъ обѣщаютъ усилиться до такой степени, что католичество будетъ преобладать надъ всѣми протестантскими общинами вмѣстѣ взятыми. Главная сила, на которую рассчитываютъ католики опираться въ дѣлѣ всего внѣшняго роста, это — «Общество распространенія католичества».

І. П. Анахоретъ.

Редакторъ,

Казедральный Протоіерей А. Хотовицкій.